

DOI: 10.14515/monitoring.2015.1.02

УДК 316.77

А.В. Резаев, Н.Д. Трегубова
СОЦИОЛОГИЯ ОБЩЕНИЯ И СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИИ: основания различения и точки роста в современной теоретической социологии

СОЦИОЛОГИЯ ОБЩЕНИЯ И СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИИ: основания различения и точки роста в современной теоретической социологии

РЕЗАЕВ Андрей Владимирович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой сравнительной социологии, факультет социологии, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: anrezaev@yandex.ru

ТРЕГУБОВА Наталья Дамировна – аспирант кафедры сравнительной социологии, факультет социологии, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: natalya.tr@mail.ru

Аннотация. Выдвигается и обосновывается тезис о востребованности разделения социологии коммуникации и социологии общения. Обосновывается положение о том, что последнюю следует рассматривать не в качестве еще одной отраслевой социологии, а как одно из перспективных направлений современной теоретической социологии. Авторы формулируют принципиальные вопросы, которые пока находятся вне магистрального внимания отечественных социологов: какие модели, концепции и инструменты позволяют фиксировать общение людей в рамках современной социологии? в каком направлении возможны эмпирические исследования общения? можно ли измерять общение? Предлагается подход к решению проблемы соотношения в социологической теории феноменов общения и коммуникации. Обосновывается положение о том, что сведение социологического анализа

SOCIOLOGY OF SOCIAL INTERCOURSE AND SOCIOLOGY OF COMMUNICATION: Distinction and Vistas for the Theoretical Expansion

REZAEV Andrei Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Professor, head of Chair of Comparative Sociology, Faculty of Sociology, St. Petersburg State University. E-mail: anrezaev@yandex.ru

TREGUBOVA Natalia Damirovna – postgraduate student, Chair of Comparative Sociology, Faculty of Sociology, St. Petersburg State University. E-mail: natalya.tr@mail.ru

Abstract. The authors prove the idea to distinguish sociology of communication and sociology of social intercourse. The latter should not be considered separately but as one of the most perspective trends of contemporary theoretical sociology. The basic questions posed by the authors are beyond the scope of research of Russian sociologists and are as follows: Which models, concepts and tools help capturing the social intercourse of people in contemporary sociology? How the empirical studies regarding social intercourse should evolve? Whether the communication is capable of measuring?

The authors propose to compare two concepts - sociology of communication and sociology of social intercourse. Describing sociological analysis of intercourse in terms of communication is insufficient and refracts the intercourse phenomenon; its theoretical basis should be extended. The methodology

общения к коммуникации является недостаточным, искажающим исследование феноменов общения, есть потребность расширять теоретические границы. В качестве теоретико-методологических оснований исследования выступают: 1) различие между отечественной и западной традициями изучения общения; 2) различие между феноменом, проблемой и понятием общения в социально-гуманитарном знании. Специфика первой характеризуется высоким уровнем абстракции анализа общения в рамках социальной философии и социальной психологии. Специфика второй, напротив, состоит в узкой специализации в рамках отдельных дисциплин и рассмотрении различных сторон и проблем общения в разных терминах («ритуал взаимодействия», «порядок взаимодействия», «социальный перформанс», «коммуникативное действие» и др.). Авторы анализируют возможности синтеза отечественной традиции изучения общения и достижений зарубежной социологической теории. В заключение на примере анализа перевода понятий «общение» и «социология общения» на английский язык затрагивается одна из существенных проблем современной социологии – терминологическая достоверность понятийного аппарата разных социологических традиций.

Ключевые слова: социология общения, социология коммуникации, современная социологическая теория

involves the following aspects: 1) distinguishing between domestic and foreign schools; 2) distinguishing between phenomenon, problem and notion of intercourse in social sciences. The specifics of the former is high level of analytical abstraction presented in social philosophy and social psychology. The specifics of the latter is narrow focus on certain disciplines and describing different aspects and problems of social intercourse in different terms (“interaction ritual”, “order of interaction”, “social performance”, “communicative action” et cet.). The authors explore possibilities to bring together the traditions of Russian school and the achievements of the foreign sociological theory.

To conclude, the authors provide examples of the translation of the notions “intercourse” and “sociology of intercourse” into English language and address one of the most important problems of contemporary sociology – terminology authenticity of the conceptual constructs in different sociological traditions.

Keywords: sociology of intercourse, sociology of communication, contemporary sociological theory

Общение как феномен и проблема характеризуется прежде всего социальностью: общение – это то, что организует и обуславливает совместную жизнь людей. Нет общества вне общения и нет общения вне общества. Вместе с тем оно – парадоксальным образом – не является ключевым объектом социологического анализа.

В настоящей работе мы выдвигаем и обосновываем несколько теоретических положений, которые группируются вокруг двух принципиальных моментов:

- 1 Создание единого и целостного восприятия любого явления или процесса (в нашем случае – общения) предполагает определение какой-либо его стороны в качестве базовой, подчиняющей себе остальные стороны и проявления. Пространство современной социологии, анализирующей проблемы социальных взаимосвязей, занято теоретиками, предпочитающими при анализе социальных связей и взаимодействий теоретико-методологическую систему координат и понятийный аппарат теорий коммуникации.

- 2 Сведение общения к коммуникации обедняет социальную аналитику общения. Современная теоретическая социология в потенциале своего развития находится на пути перехода от социологии коммуникации к социологии общения. Общение как целостный феномен охватывает гораздо более широкий круг явлений: кроме явления коммуникации (или коммуникаций) как характеристики связи (причем в ситуации, когда это связь социальных субъектов), общение предполагает обмен деятельностью, способностями, различные варианты социального взаимодействия/интеракций, ритуальной активности. Оно фиксирует создание (или разрушение) некой социальной общности. Общение как социальная деятельность реализует общественные отношения, складывающиеся независимо от сознания людей, переводит их из виртуальной формы в реальные практики.

Разумеется, обоснование этих положений предполагает ответ на ряд важных исследовательских вопросов. В чем сущностное отличие социологии общения от социологии коммуникации? Можно (и нужно) ли говорить о различии между ними? Существует ли собственный теоретико-методологический аппарат социальной аналитики общения? Или все, чем она пользуется, заимствовано у теории коммуникации? И можно ли в принципе говорить о социологии общения?

Цель настоящей статьи состоит в разграничении социологии общения и социологии коммуникации и в соотнесении перспектив их развития. Продемонстрировано, что они: а) укоренены в разных социально-философских традициях и, как следствие, имеют разные теоретические основания; б) относятся к разной эмпирической реальности; в) задействуют разные методы эмпирического исследования; г) перспективы социологии коммуникации и социологии общения противоположны. В конце работы мы вернемся к вопросу о возможности социологии общения и к проблеме перевода социологических понятий с одного языка на другой, проследим в каких терминах, не используя понятие коммуникация/и (communication/s), можно рассуждать о проблемах общения на английском языке.

Невероятность коммуникации и невозможность общения: Разграничение теоретических оснований. Что представляет собой социологический анализ коммуникации? В социальных науках в целом и в социологии в частности под рубрикой «коммуникация» исследуются самые разные проблемы и феномены, она не имеет специфического содержания. Т. Лукман пишет: «Сегодня практически все можно назвать коммуникацией. Поэтому возникает вопрос: означает ли это понятие еще что-нибудь?» [Лукман, 2007, с. 3]. Дж. Петерс, характеризуя состояние communication studies, институционально организованных исследований коммуникации, утверждает: «Коммуникация – это слово, которое используют, чтобы охватить несочетаемое сочетание идей, институтов, технологий и интересов» [Peters, 1986, p. 541]. А Р. Крэйг заявляет, что в теории коммуникации «нет ни канона общей теории, на которую все ссылаются, ни общих целей, которые объединяли бы ученых, ни дискуссионных вопросов, которые бы служили яблоком раздора» [Craig, 1999, p. 119–120].

Дж. Петерс обобщает рассуждения о социологическом анализе коммуникации: «Присваивая нечто столь широкое, как коммуникация, необходимо принести в жертву либо притязания на исключительное право [на исследование коммуникации], либо целостность» [Peters, 1986, p. 545]. Таким образом, выделить специфику социологического анализа коммуникации не так-то просто. Под ней может пониматься все, что угодно или удобно социологу в данный момент.

Теоретические основания социологии коммуникации лежат в общей теории коммуникации, в кибернетике, в теории систем. Классической концептуальной моделью выступает модель коммуникации, предложенная в конце 1940-х гг. математиком К. Шенноном и инженером У. Уивером, дорабатывавшаяся многими исследователями.

Важно подчеркнуть, что изначально в моделях коммуникации конституирующими элементами не обязательно выступали человеческие индивиды. Речь идет в них о связи, об обмене информацией между системами. Системная методология анализа коммуникации включает положение о коммуникации как об элементе разнообразных многомерных систем: физических, физиологических (биологических), социальных. Каждая из них задает и определяет свои специфические параметры и характеристики, которые прослеживаются в процессе коммуникации. Ответ на первый вопрос: «Что есть коммуникация как таковая?» – не может быть дан до тех пор, пока не определена система (биологическая, предметно-физическая, социальная), в координатах которой она рассматриваются и не выявлено системообразующее основание, объединяющее ее элементы как относительно однородные [Резаев, 2002]. Предельный вопрос здесь: как возможна коммуникация?

В социальной теории ответом на него стали концептуальные разработки Н. Лумана, писавшего о *невероятности* коммуникации и о *средствах*, благодаря которым она становится вероятной [Луман, 2000]. Ученый задает три вопроса: Как индивиды вообще могут понимать друг друга? (Благодаря языку.) Как коммуникация может достичь тех, кто не включен непосредственно в ситуацию коммуникации? (Благодаря посредникам распространения коммуникации.) Как коммуникация может быть принята? (Благодаря символически генерализованным посредникам коммуникации.) Автор концептуализирует социальную реальность как систему и операцией («единицей») системы выбирает не действие (как его учитель, Т. Парсонс), а коммуникацию. При этом индивидуальное сознание – а вместе с ним и человек как сочетание «психических и органических систем» – оказывается «вынесен за скобки» социологического анализа [Луман, 2007]. Не люди производят коммуникацию, а коммуникация порождает коммуникацию, как паук тклет паутину сам из себя. Именно в этом, согласно Н. Луману, заключается *социологическая* трактовка коммуникации. Мы полагаем, что его теория – наиболее яркий пример и кульминация социальной аналитики коммуникации.

Обратимся теперь к социальной аналитике общения. Каковы ее исследовательские традиции и принципиальные вопросы? В первую очередь очевидно, что исследования общения отталкиваются от иных, нежели исследования коммуникации, вопросов: как возможно общение? (В частности, как создается общность между субъектами?) как общение изменяет самих субъектов? Если исследования коммуникации идут от осмысления обмена информацией между системами, то исследования общения – от рефлексии над субъект-субъектными отношениями. Они предполагают определенную антропологию в качестве предпосылки – концепцию человека, обладающего свободой выбора и эмоционального, способного изменяться и подверженного влиянию социальных отношений. Кроме того, этот вопрос может быть задан лишь при определенном типе (развития) общества, когда общность и необщность различимы и контингентны: общность может возникнуть, а может и не возникнуть.

Общение как социальный феномен охватывает всю сознаваемую человеком гамму отношений с другими людьми. Оно предстает как специфический для каждого способ взаимоотношений, как способ бытия посредством взаимосвязей друг с другом. Его

результатом, в отличие от результатов предметной деятельности, является не преобразованный предмет, но отношения с другими людьми. Вместе с тем социальное взаимодействие позволяет трансформировать ценностные ориентации отдельных индивидов в единство целей, достижение которых обеспечивает развитие общества. Подобная постановка вопроса и трактовка общения возможна в разных областях социогуманитарного знания: в искусстве, в философии и в социальных науках – психологии, антропологии, социологии. Таким образом, исследования общения изначально выходят за дисциплинарные рамки. В социологии мы сталкиваемся с необходимостью концептуализации механизмов общения (и не-общения), а также с конструированием методов их эмпирического исследования: Как люди общаются и как это измерить?

Именно здесь, по-видимому, и происходит пересечение с социологией коммуникации (в отличие от социологии коммуникаций). Как можно иначе помыслить механизмы общения, нежели обмен символами, знаками, идущими от отправителя к реципиенту? Как мы можем ухватить механизм создания общности, если не описываем информацию, смысл и вербальные и невербальные средства коммуникации?

Сравним два вопроса: Как возможна коммуникация? Как возможно общение? На первый взгляд, речь идет об одном и том же. В действительности же постановка проблемы иная: в фокусе нашего внимания отношение, которое возникает между субъектами и конституирует самих субъектов. *Нет субъектов (общения) вне общения.* Попробуем сформулировать несколько вопросов о феномене общения, которые не могут быть заданы в рамках исследований коммуникации:

- Как общение связано с общественными отношениями? Является ли оно лишь реализацией положения в структуре отношений?
- Каковы эмпирические индикаторы вовлеченности в общение? Как можно ухватить создание новой общей реальности?
- Как возможно общение, если не используется язык? Например, при совместном труде? творчестве? сексуальном контакте? переживании одного события (например, авиакатастрофы)? насилии?
- Как проследить динамику от не-общения к общению?

Ответ на вопрос, как возможно общение, будет отличаться в зависимости от исследовательской традиции. Определяя ее, мы отталкиваемся от положения о различных парадигмах исследования общения [Резаев, 1993].

Философские тексты, осмысляющие общение, как и источники, их переосмысляющие, многочисленны. Нас, однако, интересуют не философия общения *per se*, а различные философские основания (парадигмы) исследования. Поэтому, признавая сложность и многообразие подходов к философской трактовке общения, будем опираться на различие парадигм общения, которое, как мы покажем, актуально и для развития социологии.

В чем проявляется специфика осмысления общения с позиций социальной философии? Ответ на этот вопрос можно суммировать следующим образом. Возможность целостной рефлексии процесса общения предоставляет социально-философский уровень его исследования, который в качестве принципиального подхода предполагает вычленение в исследовании общения трех парадигмальных структур: а) социально-институциональную

(теоретико-методологические и концептуальные основания этой парадигмы оформились в рамках марксистской, историко-материалистической традиции); б) информационно-инструментальную; в) экзистенциально-феноменологическую. Социально-философский анализ позволяет понять, что, функционируя на различных уровнях социальной реальности, общение предстает как: а) персонификация, актуализация и реализация структурной характеристики общества – общественных отношений; б) взаимосвязь – взаимодействие и обмен образованиями материального и духовного порядка – способностями, деятельностью, информацией, мыслями, чувствами; в) реализация внутренней потенции самосознающего индивида.

Переводя различие на язык социальных наук, мы можем сказать, что общение возможно как:

- 1 Реализация общественных отношений (чем определяются отношения – следующий вопрос). Эта исторически первая, исконно социологическая традиция идет от социальной аналитики К. Маркса и Ф. Энгельса [Маркс, 1955; Маркс и Энгельс, 1955]. С нашей точки зрения, к ней примыкают неoinституционалисты (прежде всего Д. Норт), П. Бурдьё, отчасти Н. Элиас. Отдельно стоит фигура М. Фуко, для которого властные отношения – это отношения взаимодействия сил на микроуровне, конституирующие как субъекта, так и общество.
- 2 Обмен между акторами – обмен информацией, знаками, символами и т.п. Здесь область пересечения социальной аналитики общения с социальной аналитикой коммуникации наибольшая. Принципиальные фигуры этой парадигмы – И. Гофман, Ст. Холл, Н. Луман.
- 3 Создание общности, изменяющее самих субъектов. Нам представляется, что в современной социальной теории три фигуры могут быть причислены к этой парадигме: Ю. Хабермас, Дж. Александер и Р. Коллинз. Если вторая парадигма использует метафору обмена, то эти мыслители, на наш взгляд, основываются на принципиально иных и более сложных метафорах. Это, соответственно, дебаты (или тяжба), театральное представление и сексуальное взаимодействие.

Вернемся к вопросу о том, каковы механизмы общения? В логике каждой из трех парадигм ответ на этот вопрос будет различным. При этом обмен знаками и символами между акторами будет ответом лишь для второй парадигмы. Для первой им станет интериоризация социальной структуры (классовое сознание, габитус), а также сами структурные условия (распределение капитала, институты).

Что касается третьей парадигмы, здесь концептуализация и возможность измерения вызывают наибольшее затруднение. Нам представляется, что концепции коммуникативного действия [Habermas, 1984, p. 7], воссоединенного перформанса и аутентичности [Social Performance..., 2006], успешного ритуала взаимодействия и эмоциональной энергии [Collins, 2004] являются важными шагами на пути этой концептуализации. Хабермас, Александер, Коллинз пытаются дать ответ на вопрос, как в социально связанном мире может возникнуть новое отношение между субъектами, в процессе которого что-то изменится и в самих субъектах, и в социальной реальности.

Для третьей парадигмы характерно несколько положений. Во-первых, общение рискованно, контингентно, оно может получиться и не получиться. Во-вторых, оно задействует

(и собирает) субъекта целиком, включая его тело и эмоции. В-третьих, общение тяготеет к тому, чтобы быть вне повседневным в повседневности и иметь цель в самом себе (таким образом, оно приближается к сакральному). В-четвертых, общение – это процесс, происходящий здесь-и-сейчас и длящийся во времени. Наконец, общение всегда имеет место в социальном и культурном контексте, определяющем, но не предопределяющем, так что, по выражению Энн Ролз, можно различать институциональный порядок и порядок взаимодействия [Rawls, 1987].

От теории к практике. Эмпирические парадигмы и методы эмпирического анализа.

Различия в теоретико-методологических основаниях социологии общения и социологии коммуникации выражаются в том, каким образом эти направления соотносятся с исследуемой реальностью. Разделение здесь проходит по двум линиям: что именно принимается за эмпирический образец объекта исследования и какими методами этот объект анализируется?

Для социологии коммуникации образцом служит массовая коммуникация, при анализе которой выходят на первый план те элементы модели Шеннона–Уивера, которые могут ускользнуть от исследователя при анализе взаимодействия лицом к лицу. Рассмотрим пример телевизионных новостей. Здесь все элементы очевидны: само средство коммуникации (телевизор), наличие отправителя и получателя информации (так что ответ, например, письмо зрителя в редакцию, не обязателен и требует дополнительных усилий), необходимость общего языка (иностранец не поймет новости на русском языке), неопределенность декодирования (разные люди по-разному интерпретируют новости), наличие шумов (телевизионные помехи из-за непогоды).

При такой перспективе коммуникация предстает как составленная из пробелов (gaps): отосланное сообщение вовсе не обязательно будет понято (декодировано) так, как предполагал отправитель, более того – на него вовсе не обязательно будет получен ответ. Дж. Петерс [Peters, 1994] предлагает рассматривать любую коммуникацию именно так, так что повседневный диалог предстает как череда непониманий и не-ответов, сбоях в использовании языка, переключений с одной темы на другую, асимметрий говорящего и слушающего. В этом, по мысли автора, и заключается фундаментальное свойство коммуникации как таковой. Это свойство, добавим мы, соотносится с вопросом Н. Лумана о невероятности коммуникации и о том, что делает ее вероятной.

Однако с точки зрения социологии общения такой анализ упускает из виду нечто важное. Анализ коммуникации выносит за скобки контекст, в котором разговор (пусть не состоявшийся) только и возможен. Это наличие общего языка, пространства-времени, в котором находятся участники, а также тех незаметных, но значительных усилий, которые (как показали этнометодологи) поддерживают повседневную реальность, где можно услышать или не услышать собеседника. Не слушать означает отсутствие коммуникации; в ситуации «не услышать» коммуникация есть, но общение не происходит. При этом не-общение в коммуникации возможно только как результирующая прошлого общения и, весьма часто, как условие будущего общения. Иными словами, даже при постоянных сбоях в коммуникации имеют место взаимодействие (пусть неуспешное) и общность (пусть как общность поражения в попытке «найти общий язык»). Именно этот контекст (взаимодействие и его структурные условия), делающий возможной коммуникацию, но не выводимый из нее самой, находится в фокусе социологии общения.

Какую эмпирическую парадигму использует социология общения? Наиболее очевидный ответ – межличностное взаимодействие лицом-к-лицу. В действительности массовая коммуникация и взаимодействие лицом-к-лицу – это классическая дихотомия, члены которой противостоят друг другу по нескольким основаниям: по числу участников (два/мало–много), по (а)симметричности их статуса и по отсутствию/наличию искусственных средств коммуникации. Действительно, значительная часть социологии общения занимается именно осмыслением взаимодействия лицом-к-лицу. Уже упомянутые Р. Коллинз и Дж. Александер, а также Дж. Тернер [Turner, 2002] занимаются именно концептуализацией взаимодействия лицом-к-лицу.

Тем не менее это решение грешит односторонностью: вовсе не любой социологический анализ общения отталкивается от face-to-face interaction. Это действительно так для экзистенциально-феноменологической парадигмы (к которой и относятся названные теоретики), но для марксистской парадигмы (возможно, наиболее социологичной из трех) дихотомия «массовая коммуникация–межличностная коммуникация» в принципе не релевантна. Если мы рассматриваем общение как реализацию структурных отношений, то они реализуются при любом взаимодействии независимо от характера средств коммуникации и числа взаимодействующих. А информационно-инструментальная парадигма общения, наиболее близкая к социологии коммуникации, тяготеет к массовой коммуникации как образцу для анализа общения.

Выбор эмпирической парадигмы соотносится и с набором методов, которые склонны использовать каждое из направлений. Для социологии коммуникации наиболее характерны контент-анализ и дискурс-анализ. Первый – количественное и качественное исследование содержания информации – дополняется дискурс-анализом, позволяющим учитывать социальный контекст сообщения, специфический язык и стоящие за ним властные отношения. Оба метода относятся к анализу текстов и направлены, таким образом, на содержание коммуникации и фиксацию возможных искажений. При этом анализ сообщений может дополняться опросами и интервью отправителей и (что важно для массовой коммуникации) получателей информации, чтобы учесть проблемы кодирования и декодирования и эффективности коммуникации.

Методы социологии общения различаются в зависимости от парадигмы анализа. Для информационно-инструментальной парадигмы они будут совпадать с методами социологии коммуникации. Марксистская парадигма, интересуясь общественными отношениями, тяготеет к сравнительно-историческому анализу на макроуровне, а также использованию статистических методов для описания структурных характеристик общества. Что касается экзистенциально-феноменологической парадигмы, она фокусируется на новейших методах анализа процесса и результатов взаимодействия. Именно здесь, на наш взгляд, следует ожидать методологический прорыв – на границах с психофизиологией (конверсационный анализ и его расширение – измерение модуляций голоса и психофизиологических характеристик общающихся), географией (использование географических информационных систем), социальной антропологией (эго-документы, наблюдение и его расширение – визуальные методы).

Пределы социологии коммуникации и точки роста социологии общения. Из представленных разграничений можно сделать вывод, что социология общения и социология коммуникации – принципиально различные области, хотя они имеют общие точки пересечения. Что можно сказать о перспективах развития каждой из них в социологии?

Мы полагаем, что социология коммуникации в настоящий момент достигла своих пределов, тогда как социология общения, напротив, выходит на новые точки роста. В пользу этого можно привести несколько аргументов. Прежде всего представляется, что в теоретическом развитии социология коммуникации достигла порога, когда ответы на возникающие вопросы уже могут быть даны в терминах самой теории коммуникации. Рассмотрим три фигуры – И. Гофмана, Ст. Холла и Н. Лумана. Наследие первого в современной социологии рассматривается не с точки зрения вопросов обмена информацией или управления впечатлениями, а прежде всего с точки зрения концептуализации процесса взаимодействия и его контекста, что тяготеет к экзистенциально-феноменологической парадигме. Р. Коллинз, Дж. Александер, Дж. Тернер, Э. Роллз рассматривают И. Гофмана именно как теоретика взаимодействия, его структуры и динамики, в контексте традиции, идущей от позднего Дюркгейма. Ст. Холл и его последователи, напротив, отходят от информационно-коммуникативной парадигмы общения к марксистской, анализируя структурные неравенства, обуславливающие процесс коммуникации. Наконец социология Н. Лумана, при всем масштабе теоретических построений автора, сталкивается с неизбежными ограничениями. Мы представили их детальный анализ в другом месте; здесь достаточно будет указать на два момента: роль языка, маскирующую собственное значение, за что автора критиковал Ю. Хабермас [Хабермас, 2003], и невозможность концептуализации (телесного) сопresутствия как основания взаимодействия, в частности социологического анализа микродинамики насилия, с чем успешно справляется современная социология общения [Collins, 2008]. Всех этих ученых объединяет следующее: дальнейшее развитие и преодоление их теоретических построений возможно лишь при выходе за рамки социологии коммуникации, при обращении к контексту коммуникации – процессу взаимодействия и его структурным условиям.

Второй аргумент состоит в том, что сама общественная практика, изменения в социальной реальности, приводит к тому, что социология коммуникации теряет свои основания. XX в. был веком массовой коммуникации, требовавшей осмысления и вдохновлявшей аналитиков коммуникации на создание концептуальных моделей и проведение эмпирических исследований. Именно поэтому был возможен триумф коммуникативистики, которая на время заслонила перспективы исследования межличностного общения. XXI в., однако, – это время интернета: граница между массовой и межличностной коммуникацией становится менее очевидной, и мы наблюдаем всплеск многообразия средств коммуникации и форм общения, которое не может быть адекватно описано и тем более объяснено лишь в терминах социологии коммуникации. Именно здесь на первый план выходит социология общения с ее способностью характеризовать разные стороны общения: как реализация общественных отношений, как обмен образованиями материального и духовного порядка, как осуществление внутренней потенции самосознающего индивида. Следует отметить, что теоретическое осмысление этих изменений в указанном направлении уже имеет место: достаточно назвать концепцию интеракционного общества (interaction society), которую разрабатывает М. Вайберг [Wiberg, 2005] в противовес теориям информационного общества.

Наконец новые теоретические основания и реальность требуют иных методов эмпирического анализа. Здесь также очевидна недостаточность социологии коммуникации. Контент-анализ и дискурс-анализ должны быть дополнены (а иногда и заменены) разговорным анализом, который смещает фокус от того, что говорится, к тому, как

взаимодействуют говорящие. Интервью и опросы уступают место анализу эго-документов, наблюдению и визуальным методам, позволяющим ухватить процесс взаимодействия и его последствия для индивидов, которые, по выражению Р. Коллинза, предстают как «цепочки ритуалов взаимодействия». Наконец необходимы методы, вписывающие общение в его структурный контекст, и здесь наработки сравнительно-исторической макросоциологии наиболее перспективны.

Итак, перспективы социологии коммуникации в социологии общения. Каковы же перспективы социологии общения? В течение всего изложения мы стремились указывать на ее возможные точки роста: новые теории, новые методы, новые предметные области. В целом, ситуация здесь может быть характеризована скорее как псевдоконфликтная. Этап активных аналитических и экспериментальных работ сменяется этапом синтеза и обобщающих исследований. Общим для этих исследований является то, что они позволяют преодолеть трактовку коммуникации как инструментального обмена и эмпиризм исследования коммуникаций.

Смена этапов происходит на общем фоне полипарадигмальных методологических ориентаций в теоретической социологии. Вслед за П. Штомпкой [Sztompka, 2008] можно говорить о становлении новой парадигмы в социологии – «третьей» социологии, пришедшей вслед за «первой социологией» социальных организмов и систем и «второй социологией» поведения и действия. Она фокусируется на исследовании повседневной жизни людей среди других людей, во взаимодействии, состязании, конфликте или борьбе с ними – но никогда поодиночке. Именно социология повседневности (в версии П. Штомпки), а также связанная с ней социология эмоций являются наиболее перспективными «теориями среднего уровня», в рамках которых возможны парадигмальный синтез и освоение наиболее перспективных направлений и методов социологии общения.

Возможность и действительность социологии общения. Социология, начиная с отцов-основателей, открывает целый мир, ранее практически не видимый из-за собственной очевидности. Это мир общения, каждодневных взаимодействий между людьми, в которых они производят и воспроизводят свою жизнь. Однако открыв этот мир, социология сразу же набрасывает на него покров концепций и категорий. К. Маркс обращается к общению (Verkehr) как реализации отношений (Verhältnisse), обусловленных производством, и фокусируется на производственных отношениях – общественных отношениях в процессе производства. Э. Дюркгейм рассуждает о солидарности (solidarité) и ее производстве при взаимодействии лицом-к-лицу, анализируя ритуалы (rites) – в рамках рассуждений о воспроизводстве социального целого. М. Вебер схватывает эту реальность как социальное действие (не взаимодействие!) (Sozialhandeln) и социальное отношение (soziale Beziehung) – взаимно ориентированное поведение. Лишь Г. Зиммель, самый неклассичный классик, приближается к анализу самого процесса общения, выделяя формальный аспект взаимодействия – обобществление (Vergesellschaftung) и анализируя его формы.

К. Маркс, М. Вебер и Э. Дюркгейм так или иначе рассматривали взаимодействия (и действия) как укорененные в макроконтексте (обществе, культуре, структуре и т.п.). Современная социология наследует от классиков дихотомию structure-agency (точнее, она считает ее в их наследии). Принципиально, что анализ общения в рамках дихотомии общение–общественные отношения характерен для социологии с момента ее оформления. Как отношения определяют общение? Как в общении воспроизводятся отношения? Какова возможность обратного влияния общения на отношения? Эти вопросы (заданные на языке

той или иной концепции), бесспорно, социологичны. Вместе с тем они принадлежат социально-институциональной (марксистской) парадигме общения. (Именно поэтому при перечислении парадигм общения мы ставим ее на первое место.) Но возможна ли иная социологическая постановка вопроса об общении?

Социология исторична, как и все в социальной реальности. Новейшие направления ее теории – социология повседневности, социология эмоций, новые концепции взаимодействия – позволяют увидеть невидимый мир социальной реальности, открытый К. Марксом и закрытый впоследствии социологическими абстракциями (в том числе самого первооткрывателя). И современные социологи переоткрывают, таким образом, проект социологии. Может быть, исследование общения *per se* (а не его условий) не было социологичным вчера. Но справедливо ли это сегодня, если сама социология изменилась?

Каким же образом можно ответить на вопрос о возможности социологии общения? *Социология общения не просто возможна – в неявном виде она существует с момента возникновения социологии.* Традиционной для социологии была постановка вопроса о том, что обуславливает общение, как в нем реализуются общественные отношения. Позже социология восприняла трактовку общения как коммуникации. Новые исследования (особенно те, что тяготеют к экзистенциально-феноменологической парадигме) предоставляют концептуальный аппарат для аналитики взаимодействия, изменяющего самих взаимодействующих, формируя социальную общность. Эти концептуальные средства свидетельствуют о возможности перехода к новому этапу – социологии общения, раскрывающей формы включения действующего и взаимодействующего индивида в социально-исторический контекст, а через это – механизмы структурирования и функционирования общества

Таким образом, мы заявляем о возможности и действительности социологии общения. Здесь, однако, встает проблема перевода. Как перевести слово «общение» на иностранные языки (прежде всего – английский), в которых нет точного эквивалента этой категории? Очевидный вариант перевода – *communication* и, соответственно, *sociology of (human) communication*. Он имеет право на существование, ибо в современном английском языке «communication» может выражать наиболее широкий смысл, вкладываемый в русское «общение». Именно в этом смысле Дж. Петерс говорит об исследовании «нечто столь широкого как коммуникация» – «something as big as communication» [Peters, 1986, p. 541]. В этом смысле о коммуникации рассуждает и Р. Крэйг, предлагая перейти от трансмиссивной модели коммуникации (в наших терминах – модели обмена) к конститутивной метамодели, которая послужит общей платформой дискуссии между сторонниками различных моделей коммуникации – риторической, социально-культурной и др. [Craig, 1999]. Однако такой вариант перевода, по нашему мнению, закрывает основную идею о том, что в общении могут быть выделены аспекты, принципиально не сводимые к тому, что обозначается как коммуникация в узком смысле слова. Этот перевод будет навязывать исследователям мышление в рамках модели Шеннона–Уивера, несмотря на благие намерения авторов. Именно это часто и происходит с современными теоретиками коммуникации.

Если взглянуть на проблему с другой стороны, мы увидим разнообразие терминов, в которых современная социология анализирует проблему общения, и понятие *communication* играет здесь вовсе не главную роль. Как иначе можно перевести общение на язык социологии, нежели как *communication*? Мы уже упоминали некоторые варианты: *Verkehr*, *Vergesellschaftung*, *kommunikativen Handelns*, *interaction ritual*, *social (cultural) performance*,

face-to-face interaction. При этом значительная часть терминологии явным или скрытым образом задействует понятие взаимодействия – interaction. Исходя из этого можно было бы перевести социологию общения как sociology of (social/human) interaction. Однако здесь можно выдвинуть сходные возражения: подобный перевод направляет взгляд исследователя лишь к одной стороне общения, в данном случае – к экзистенциально-феноменологической парадигме, к актам взаимодействия на микроуровне, так что структурная обусловленность и процессуальность общения остается вне поля зрения социолога.

Следовательно, наша цель – найти наиболее близкое понятие, которое позволило бы рассуждать о феномене общения во всей его сложности. Представляется, что для немецкого языка наиболее близким аналогом будет Verkehr – понятие из социальной аналитики Карла Маркса. (Тем более что советская школа исследования общения сформировалась под влиянием классического марксизма.) В большинстве англоязычных переводов К. Маркса это понятие переводится как intercourse. С другой стороны, в англоязычной социальной мысли уже существует традиция обозначения сферы межлических отношений как (human) intercourse [Hamerton, 1898]. Мы полагаем, что сочетание social intercourse наилучшим из возможных способов передает характеристики феномена общения – социальность, процессуальность и укорененность в макросоциальном контексте, так что оно не сводится ни к дискретным взаимодействиям, ни к обмену информацией. Таким образом, адекватным переводом социологии общения на язык международной науки будет sociology of social intercourse. Далее ее можно разложить на sociology of social relations, sociology of communication, sociology of human interaction – в соответствии с различением трех парадигм общения, на котором мы основывали настоящее рассуждение.

Подводя итоги, можно утверждать, что для современной социологии характерен поворот от исследования коммуникации к исследованию общения. Классики социальной науки не помещали в фокус своего внимания коммуникацию, обращаясь к иным проблемам: на макроуровне – общественно-исторического развития, на микроуровне – социального действия, производства солидарности, производственных отношений. На определенном этапе понятие коммуникации, заимствованное из кибернетики стало основным теоретическим инструментом для описания микросоциальной реальности. Однако в дальнейшем стала очевидна ограниченность этого понятия, которая преодолевалась как в рамках теории коммуникации (помещением ее в социальный контекст с вниманием к асимметрии при кодировании и декодировании и контролю над каналами коммуникации), так и за ее рамками – в принципиально иных концепциях (ритуала взаимодействия, социального перформанса, коммуникативного действия). Сегодня проблематика социологии общения позволяет включать наработки теории коммуникации, а также интегрировать иные способы осмысления межлических отношений – феноменологию и материалистическое понимание истории. Здесь перспективы социологии общения, здесь же, на наш взгляд, одно из многообещающих направлений развития социальной теории в целом.

Литература

- 1 Лукман Т. Аспекты теории социальной коммуникации // Социологическое обозрение. Т. 6. № 3. 2007. С. 3–20.
- 2 Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007.
- 3 Луман Н. Невероятность коммуникации / Проблемы теоретической социологии. Вып. 3. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000.

- 4 Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. 1955.
- 5 Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. 1955.
- 6 Перов Ю.В. Стратегии философского осмысления социального общения. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2004. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/perov_y/educomm_01.html
- 7 Резаев А.В. Об общении, его социально-философской рефлексии и возможностях социологии коммуникации / *Homophilosophans*. Серия «Мыслители», выпуск 12. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 385.
- 8 Резаев А.В. Парадигмы общения. Взгляд с позиций социальной философии. СПб.: Изд-во СПбГУ; Иваново: Изд-во «Полинформ», 1993.
- 9 Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2003.
- 10 Collins R. *Interaction Ritual Chains*. Princeton University Press, 2004.
- 11 Collins R. *Violence: A Micro-Sociological Theory*. Princeton University Press, 2008.
- 12 Craig R. T. *Communication Research as a Field // Communication Theory*. Vol. 9. No. 2. 1999. Pp. 119–161.
- 14 Habermas J. *The Theory of Communicative Action*. Boston: Beacon Press, 1984–87.
- 15 Hamerton Ph. G. *Human Intercourse*. Boston: Little, Brown, and Company, 1898.
- 16 Peters J.D. *Institutional Sources of Intellectual Poverty in Communication Research // Communication Research*. Vol. 13. No. 4 (October 1986). P. 527–559.
- 17 Peters J.D. *The Gaps of Which Communication is Made // Critical Studies in Mass Communication*. Vol. 11. No. 2. 1994. Pp. 117–140.
- 18 Rawls A.W. *The Interaction Order Sui Generis: Goffman's Contribution to Social Theory // Sociological Theory*. Vol. 5. No. 2. 1987. Pp. 136–149.
- 19 *Social Performance: Symbolic Action, Cultural Pragmatics and Ritual/ eds. Alexander J., Giesen B. and Mast J.* Cambridge University Press, 2006.
- 20 Sztompka P. *The Focus on Everyday Life: a New Turn in Sociology*. European Review. Vol. 16. Issue 1. 2008.
- 21 Turner J.H. *Face to Face: Toward a Sociological Theory of Interpersonal Behavior*. Stanford University Press, 2002.
- 22 Wiberg M. *Introduction – The Emerging Interaction Society in: The Interaction Society: Theories, Practices and Supportive Technologies*. Information Science Publishing, 2005.